

ЛИНА НИКОЛАЕВА

ВСЁ СЕРЕБРО СТОЛИЦЫ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н63

Дизайн обложки Мария Хромцова

Николаева, Лина.

Н63 Всё серебро столицы / Лина Николаева. —
Москва : Эксмо, 2026. — 288 с.

ISBN 978-5-04-226994-3

На заснеженных улицах столицы Рингейт беспокоит: некто похищает редких животных и убивает свидетелей краж. Но газеты молчат — и молодой репортер Фальго Неккерман, возмущенный этим, начинает самостоятельное расследование. Его единственная подсказка — кольцо-реликвия, с помощью которого были совершены убийства. Но владеть подобным украшением может лишь аристократ Баларской империи. Кто же из благородных семейств решился на преступление и зачем?

**УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-04-226994-3

© Николаева Л., текст, 2025
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава 1.

ТРАГЕДИЯ НА КАУЭРА: ВЛАДЕЛЬЦУ МАГАЗИНА ОТОРВАЛИ ГОЛОВУ

Ауриху Бруннеру оторвали голову. Две сплетницы обсуждали новость с удовольствием стервятников, учувявших добычу, и происшествие обретало все новые и новые подробности. Фальго знал Ауриха, поэтому услышанное заставило его вернуться на улицу. Надо узнать правду. Подтвердить, что это слух, не иначе.

Дождь барабанил по мостовым, гремел в водосточных трубах и шелестел кронами деревьев. Газовые фонари едва справлялись с темнотой, а возницы паромобилей, омнибусов и экипажей неслись на всей скорости, не задумываясь о прохожих и лужах. К тому же людей на улицах столицы осталось немного — только спешащие на вечернюю смену рабочие да выглядывающие из-под козырьков домов мальчишки-газетчики.

На улице Кауэра магазин герра Бруннера отличался от других, точно император от рабочих: ярко освещенной витриной из цветного стекла, огромной белой вывеской, наличием второго этажа и чистотой тротуара, за которой владелец следил с особой педантичностью.

Несмотря на дождь, посетителей собралось достаточно. В своем районе магазин стал центром жизни, куда приходили вместо пивных и парков, которые так любили остальные жители Рингейта. Люди старательно изображали увлечен-

ВСЕ СЕРЕБРО СТОЛИЦЫ

ных покупателей, но стоило прислушаться, становилось ясно, что все их разговоры — сбор свежих сплетен да хвастовство по поводу суммы, которую удалось сэкономить за прошедшую неделю. Фальго не любил сплетни и не понимал скупости жителей северных княжеств, больше похожей на врачебный диагноз, чем на черту характера, поэтому ходил сюда только из-за личного знакомства с герром Бруннером.

Чаще всего владелец магазина находился в зале вместе с продавцами и покупателями, но сегодня его не было. Фальго не помнил, что бы за восемь лет их знакомства Аурих взял хоть один выходной, поэтому его отсутствие казалось дурным знаком. Во рту стало сухо.

За прилавком рядом с продавцом стоял Берн Наппель, помощник Ауриха, а над ними, точно скала, нависала женщина, твердящая про «воров и крохоборов» и недостающую сдачу. Не слишком-то красивое зрелище, но весьма обыденное. Случись что с владельцем, все было бы иначе. Наверняка.

«Нет. Жажда прибыли сильнее смерти. Магазин не закрылся бы», — возразил голос внутри. Он чем-то напоминал отцовский и не знал слов поддержки или одобрения, зато мастерски умел осадить.

Ожидая освобождения Наппеля, Фальго прошелся вдоль ряда клеток и недовольно поцокал при виде сидящих в некоторых из них.

Императрица устроила домашний зоопарк, и животные мигом превратились в показатель статуса. Аристократы, стремясь перещеголять друг друга, искали способ пополнить наиболее редкие виды, остальные же довольствовались «обычными» собаками и кошками. Результатом стало открытие таких, как у герра Бруннера, магазинов, где продавали животных со всего света или товары для их содержания.

ЛИНА НИКОЛАЕВА

Условия в большинстве из них оставляли желать лучшего. Когда Фальго только приехал в столицу из южных княжеств и увидел магазин Ауриха, он так возмутился тем, что животных превратили в товар, что даже выкрал щенка, чьи условия показались ему хуже всего — стипендия не позволяла выкупить его, но и смотреть сил не было. Однако совесть и честь велели вернуться, отработать долг. С тех пор прошло восемь лет. Фальго отчислился из университета, разочаровал родителей и стал репортером, а герр Бруннер увеличил доход и начал больше тратить на содержание животных.

Даже выплатив долг, Фальго частенько заходил к Ауриху: за отменным кофе, которым тот всегда угощал, и возможностью поговорить о чем угодно. Разница в возрасте и во взглядах не позволила им стать друзьями, но Аурих сделался кем-то вроде дальнего родственника, поэтому известие о его смерти горечью осело на языке. Верить не хотелось, и Фальго твердил себе, что это ужасный слух. Все остальное говорило иначе: про самообман, закрытые на правду глаза и наивность.

Женщина-скала наконец покинула поле боя, и стало гораздо тише. Фальго прошел мимо полок с товарами для содержания животных — кормом, игрушками и даже одеждой, полюбившейся владелицам комнатных собачек, — и остановился у прилавка.

— Вечер, герр Наппель!

— Вечер. Чего тебе? — Помощник Ауриха с усталым видом отложил бухгалтерскую книгу.

Фальго остался для него «студентиком, который ничего не смыслит в правилах». Наппель смягчался, когда тот расплачивался, и то не в каждый раз. Ему было невдомек, что между именем и фамилией Фальго Неккермана есть приставка «ван», указывающая на благородное происхож-

ВСЕ СЕРЕБРО СТОЛИЦЫ

дение, иначе бы он лебезил и улыбался, как делал перед каждым дворянином или богачом.

— У герра Бруннера выходной?

Наппель мигом поник, а продавец за кассой, и без того бледный, побледнел еще больше и закусил губу.

— Пойдем-ка наверх. — Берн заговорил тише обычного.

Они поднялись на второй этаж и зашли в кабинет Ауриха. Ничего не изменилось: на столе стояла аккуратная, корешок к корешку, стопка книг, на полках секретера лежали бухгалтерские отчеты, а кресло было отодвинуто до самой стены, как всегда оставлял хозяин кабинета. Даже аромат кофе и корицы сохранился — с корицей в магазине пил только Аурих. Все указывало на то, что он только-только вышел, но завтра вернется вновь. Однако Наппель сел в его кресло, чего никогда не позволял себе прежде, и сомнений не осталось.

— Что с герром Бруннером? — Фальго подтащил к столу второе кресло и сел напротив.

— Ты слышал?..

— Нет. — Это было сказано тоном, не оставлявшим сомнения, что за «нет» скрывается «да».

— Уже восемь дней прошло. Аурих зачем-то вернулся в магазин посреди ночи. Видимо, он заметил вора... — Берн махнул рукой, не желая договаривать, но все же совладал с собой и продолжил: — Я открыл утром магазин и увидел Ауриха. Без головы. Полицейстеры сказали, что ее оторвали. Они осмотрели... Да направит его Истинный на новый путь. — Берн осенил себя знаком рассеченного крута.

Мыслей было — рой. В первую очередь Фальго подумал, что с Аурихом не могли такого сделать. Он был улыбчивым, не чета большинству жителей Баларской империи, и единственное, что портило его настроение или заставляло грубить — беспорядок. Хотя вор, конечно, плевал на

все это. Следом появился вопрос: разве можно оторвать человеку голову? Сколько потребуется сил? Или это инструментами?.. Последней настойчиво забила мысль: почему газеты молчат об убийстве и краже?

Не знать они не могли, репортеры чувствовали новости, будто охотничьи псы, и стаями собирались на месте преступления. Для большинства такой материал стал бы сенсацией, и только идиот не воспользовался бы шансом. Идиотами они не были, потому напрашивался вывод: что, если у причин молчания вполне человеческое лицо? А ведь Аурих заслуживал правды, как и весь Рингейт.

— Где его похоронили?

— На старом кладбище Вертенхага. — Обратив внимание на пристальный взгляд Фальго, Берн пояснил: — Аурих оттуда родом.

— Да, я знаю, — ответ прозвучал жестче, чем хотелось бы.

«Тебе никто ничего не должен», — напомнил себе Фальго, но лучше не стало. Восемь чертовых дней, а он и не узнал бы, не болтай домоправительница в коридоре. Магазин отделяло всего две улицы — слишком много, как оказалось, чтобы позвонить или прийти, сказать.

— Аурих относился к тебе почти как к сыну. Знай он заранее, он бы наверняка включил тебя в завещание, — Берн закончил улыбкой. Если так он пытался ободрить или польстить, вышло из рук вон плохо, и все, что почувствовал Фальго — это желание залепить по лощеной физиономии Наппеля. Впрочем, оно возникало не впервые, и сдерживать его Фальго давно научился.

— Полиция подозревает кого-нибудь?

В мысли опять пробрался вопрос: сколько требуется сил, чтобы оторвать человеку голову? Что-то не складывалось.

— Будто ты не понимаешь! Все, что там умеют, — это перекладывать бумаги. — Цокнув языком, Наппель перевел

ВСЕ СЕРЕБРО СТОЛИЦЫ

взгляд на секретер. Одна дверца была закрыта недостаточно плотно. Фальго подумал, что Аурих сразу бы заметил это и тут же встал, чтобы исправить. — А кража, между прочим, не первая. А уж чтобы с убийством!

Наппель так искренне возмущался, что Фальго решил поддержать его. На самом деле, он был иного мнения о полиции, хотя бы потому, что его друг Раймельт работал там и рассказывал об изнанке службы, но «понимание» могло разговорить Берна.

— Вот уж точно! Страсть к порядку напрочь лишила полицию умения действовать. А что, еще какие-то магазины обокрали? Здесь, на Кауэра?

Наппель покачал головой:

— Нет, в центральном районе. Ограбили несколько магазинов с животными. Владельцы думают, что кто-то собирает частную коллекцию, но не хочет платить. Пропадали ведь только редкие виды.

— Странно, что газеты не освещали это, — заметил Фальго. Он привык следить за конкурентами, и такой материал точно не ускользнул бы от его внимания.

— Вообще-то, пара статей была, но не на первой полосе и в таких изданиях, которые приличные люди читать не станут, — Берн скривился так, словно под нос ему сунули гнилье. — А суммы, скажу я тебе, немаленькие! Иногда даже побольше, чем можно выручить за кражу какого-нибудь бриллианта.

Если что Фальго и знал, то это как в газетах охотятся за материалом. Кровь появилась — акулы не приплыли? Он все больше верил, что у причин молчания человеческое лицо. Узнать бы его черты.

— Украли только животных или деньги тоже? — Вопрос прозвучал вскользь. Ответ, конечно, был важен, но из мыслей не выходил образ убийцы-вора, он засел в них занозой и колот при малейшем движении.

Тот, кто достаточно силен, чтобы оторвать человеку голову. Тот, кто может заставить газеты молчать. Просился один ответ: на подобное способен дворянин. Некоторые из них обладали реликвиями, наделяющими нужным количеством сил, и часть имела достаточно влияния, чтобы надавить на владельцев газет и журналов. Но до чего же абсурдный ответ!

Зачем дворянину заниматься кражами животных? Смешно. Он передал свою реликвию? Практически невозможно. К тому же револьвер был бы действенное реликвии, способной навести на след. Еще и заставил издания молчать? Бессмысленно. Все равно слухи бежали быстрее, чем печатались газеты.

— У нас — только животных. Как в других магазинах, я не знаю. Это Аурих встречался с владельцами и управляющими, а мне только рассказывал новости, да и то не всегда. — Берн развел руками.

— Все клетки у вас заполнены. Кого же украли? Да и посетителей меньше не стало.

— Первые дни у нас действительно никого не было, а потом... Жизнь-то все та же. Вернулись потихоньку.

Услышанное оставило едкий осадок. Конечно, Аурих бы не хотел, чтобы его магазин перестал работать: он открыл его еще пятнадцать лет назад и вложил все время, все силы, да всю жизнь — ничего другого у него попросту не было. Но вот так быстро забыться? Как старый газетный выпуск — только выбросить, будет другой.

— А кого украли здесь? — Фальго напомнил про вопрос. — И какие еще магазины ограбили?

Аппель смерил его взглядом, помолчал, задумавшись, и наконец спросил, пренебрежительно выпятив нижнюю губу:

— Это для твоей газетенки?

ВСЕ СЕРЕБРО СТОЛИЦЫ

Среди таких, как Наппель — дельцов, которые всеми силами старались приблизиться к дворянству и отрешивались от рабочего класса, «Новое время» не пользовалось популярностью. Кто-то даже называл газету революционной и упорно жаловался полиции, но по-настоящему крамольного в ней ни разу не нашли. По правде говоря, доход оставлял желать лучшего, но Фальго имел свободу писать, и ему были близки ценности, за которые боролось издание.

Он не стал скрывать правду:

— Мне не нравится, что газеты молчат. Это неспроста, хотя пока я не понимаю почему. Я напому про свободу слова. По крайней мере, Аурих заслуживает слова, хоть и посмертно.

— Какой занозой ты был, такой и остался. — Берн покачал головой. — Но моя мать с юга, поэтому я понимаю, что тобой движет. — Казалось, Наппель должен был закончить мысль, но он замолчал и перевел взгляд на окно.

Единственное, что удивило Фальго в услышанном, — это что Берн наполовину южанин. У него было характерное для севера имя, типичные для жителей скупость и трудолюбие, быстрая речь. Да и внешность соответствовала: волосы у северян были такими светлыми, что иностранцы часто принимали этот цвет за белый. Хотя южане недалеко ушли от них: рыжие, разве что, рождались чаще, а вот темные волосы считались роскошью и для тех и для других.

— Это в ваших же интересах, герр Наппель. — Фальго натянуто улыбнулся. — Поможете мне?

— Не лез бы ты, куда не просят. Ладно. — Берн невесело улыбнулся. Улыбка быстро исчезла, и на подбородке снова появилась ямка, такая глубокая, будто обухом топора ударили. — У нас украли вольпертингера. Не знаю уж, где Аурих смог его раздобыть, но заказ был. Между прочим, с предоплатой! Как я теперь рассчитаюсь?

ЛИНА НИКОЛАЕВА

Фальго едва не присвистнул. Для многих вольпертингеры превратились в легенду. В свое время люди практически истребили их, поверив в исцеляющие свойства рогов.

Берн продолжал:

— Кражи были только в центральном районе. Самые интересные заказы получают они, поэтому там всегда есть диковинки. Но я не скажу больше — я не знаю. Поговори с Вилрихом Горренгеймом. Ему принадлежит магазин на Ратушной площади. Он хороший человек, любит животных и до сих пор переживает. Герр Горренгейм будет рад твоему... Твоей инициативе.

— Спасибо. У меня последний вопрос: что станет с магазином?

— Он перешел брату Ауриха, но тот живет в Вертенхаге, и ему не нужно все это. Я выкуплю магазин. Мы уже начали готовить документы. — Помолчав, Берн добавил: — Ты по-прежнему можешь заходить сюда, но не жди особого расположения.

Хмуро попрощавшись, Фальго вышел на улицу. Дождь кончился, но свет был тусклым и серым из-за плотных облаков. С деревьев слетели последние листья. Рингейт потерял всякие остатки красоты, и желание идти пешком улетучилось следом. Фальго кинулся к остановке, перед которой только что замер трамвай, и едва успел запрыгнуть на подножку последнего вагона.

Хотелось одного: оказаться дома и оставаться там, пока в город не вернется тепло и солнце. Но дела уже ждали: следовало поговорить со знакомыми редакторами, а также встретиться с герром Горренгеймом.

Глава 2.

КТО ПЛАТИТ ГАЗЕТАМ ЗА СОКРЫТИЕ ПРАВДЫ?

Первым делом Фальго посетил редакцию «Рингейтской всеобщей газеты», самой читаемой в столице. Целая страница отводилась полицейской сводке, однако про кражи в магазинах с животными газета умолчала. Пспрашивав знакомых репортеров, он выяснил, что они хотели написать о случившемся, но главный редактор из раза в раз отказывал им, придумывая все новые причины. Фальго решил поговорить с ним, но оказалось, что редактор уехал. Ответы на вопрос, когда он вернется, разнились.

Следующей точкой стала редакция «Делового мира». Пожалуй, это была самая приметная газета: ее печатали такого размера, что в нее, наверное, удалось бы завернуть кита. Она хорошо оправдывала свое название: в основном в ней публиковали объявления, которые могли бы заинтересовать владельцев магазинов и продавцов, да писали о завозах товаров. Последняя страница отводилась происшествиям — не написать о кражах «Деловой мир» не мог.

Но он не написал. Знакомый репортер рассказал похожую историю: уже готовую статью не одобрили. Фальго попытался узнать почему, однако редактор оказался — что в закрытые двери стучишься. Ничего, кроме скупого молчания и презрительно поджатых губ, он не дал.

«Кто бы сомневался», — внутренний голос ехидно скалился, хотя неудача мало расстроила: основные надежды были связаны с Вилрихом Горренгеймом. Узнать его номер не стоило труда, а вот пробиться через служанку оказалось настоящим испытанием. Добравшись в конце концов до владельца магазина, Фальго договорился с ним о встрече вечером того же дня. Старик сетовал на здоровье и этим объяснял приглашение к себе домой.

Собираясь к нему, Фальго решил взять с собой Альта. Благодаря моде появление в гостях с животными перестало быть удивительным или невежливым. Если старик действительно переживает за судьбу похищенных зверей, как утверждал Наппель, возможно, появление Альта поможет расположить Горренгейма к себе.

Фальго надел на собаку шлейку. Украденный щенок давно вырос, и, вообще-то, он был больше собак тех пород, которые брали с собой в качестве компаньонов, но ему все равно обычно удавалось растопить холодные сердца северян. Некоторым также нравилась история его имени: Фальго рассказывал, что назвал пса в честь родного княжества Альтенбер — но так гласила официальная версия, на самом же деле имя дала любимая марка пива, «Альт».

Они вышли из квартиры. В коридоре их встретила герра Кольтейн, неизменно одетая в серое шерстяное платье и с неизменно осуждающим взглядом. Домоправительница стояла под дверью соседа и стучала через равные промежутки времени.

— Прячется, сволочь! Платить не хочет! — пожаловалась она.

— Ясно. А у меня уже уплачено. — Конечно, герра Кольтейн это знала, но смотрела она до того тяжело и грозно, что Фальго счел нужным напомнить, а затем вместе с Альтом ретировался с лестничной площадки.

ВСЕ СЕРЕБРО СТОЛИЦЫ

Уж в чем, а в комфорте он не привык себе отказывать, поэтому квартиру снимал в районе, где в основном жили клерки. Здесь было достаточно спокойно и тихо, рядом находились трамвайная остановка, парк, пивная и пекарня — все, что требовалось. Видимо, герр Горренгейм не стремился к роскоши, поэтому его квартира была всего в нескольких улицах, хоть и в самой богатой части района, и Фальго отправился пешком. Однако он решил пойти вкруговую и заглянуть в магазин, который держал Горренгейм. Пожалуй, настоящей нужды в этом не было, но Фальго хотел сделать максимум того, что мог сейчас.

Ратушная площадь шумела голосами, стуком колес и гудением моторов. Тридцать лет назад она была центром города, но вот к власти пришла другая династия, главным княжеством стал Ринвальд, Рингейт провозгласили столицей, и центр сместился к новопостроенному императорскому дворцу. Однако магазины и рестораны Ратушной площади до сих пор считались элитными, а цены подтверждали, что так оно и есть.

Нужное место находилось вдали от ратуши, но из окон все-таки были видны ее остроконечная башня с курантами и украшенный фигурами легендарных героев, святых и ринвальдских князей резной фасад. Сам магазин разительно отличался от магазина Ауриха. Ненавязчиво играла музыка — это был легкий приятный мотив на фортепиано, к которому иногда примешивался скрип иглы по пластинке. Площадь магазина, пожалуй, могла вместить многоквартирный дом, не меньше. Повсюду стояли кресла и пуфы, куда посетители могли присесть, взять книгу, журнал или каталог товаров. Вышколенные продавцы старались держаться вдали, но стоило посмотреть на них, мгновенно оказывались рядом, готовые помочь.

Покупателей было немного: мать с дочерью, разглядывающие оранжевую игуану в террариуме, и три женщины в одежде попроще — наверное, служанки, которые пришли за кормом или чем-нибудь подобным.

Фальго походил, осматриваясь. Никаких следов кражи не было, хотя другого он не ждал — и даже не сказал бы, какими могут быть эти следы.

К нему направился парень-продавец, по виду лет двадцати, не старше. Пригладив длинный пепельный чуб, он чуть поклонился:

— День, герр. Я могу помочь вам?

— День. Я слышал, что вас ограбили. Вы по-прежнему берете заказы или мне обратиться в другое место? — Фальго держался с долей надменности, чтобы желание отойти оказалось у парня сильнее, чем необходимость следовать обязанностям.

— Берем, герр! Это всего лишь небольшие неприятности, и они никоим образом не повлияли на нашу работу. Как и прежде, вы можете купить у нас товары высочайшего качества и животных с хорошей родословной и всеми необходимыми ветеринарными свидетельствами, — слова, звучащие механически, скороговоркой отлетели от зубов.

— Хорошо. Для начала я осмотрюсь. — Фальго повернулся, давая понять, что разговор окончен. Спрашивать напрямую не входило в его планы — уж точно не раньше, чем он поговорит с Горренгеймом. Однако внимание продавцов тоже было ожидаемо, и от него хотелось избавиться как можно скорее.

Еще раз поклонившись, парень мигом исчез в глубине магазина. Фальго тоже не стал задерживаться и меньше чем через три минуты зашагал к дому, где жил Вилрих Горренгейм.

Увиденные в магазине животные все-таки натолкнули на одну мысль: не стоило принимать версию Наппеля как